ЛК1:КАД 10.02.02
С32
А-720

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Виталий Иванович СЕРГЕЕВ

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ МНОЖЕСТВЕННОСТИ В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ

10.02.02.—языки народов СССР

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Э. Р. ТЕНИШЕВ

Москва —1973 г.

Умение мыслить числами считается одним из великих и древних достижений человечества. Исследованием этой проблемы занимаются не только математики и философы, но и лингвисты. В этом направлении за последние тридцать лет было немало сделано советскими языковедами. Особый интерес вызвала проблема выражения единичности и множественности (количества) в языках различного типа. Исследователями было установлено, что понятийные категории единичности и множественности не тождественны грамматической категории числа, что категория единственного и множественного чисел уже категории множественности и единичности, является лишь ее частным случаем. (1)

В данной диссертационной работе говорится не только о множественном и единственном числах, а о множественности вообще и о способах ее выражения в чувашском языке. В ней рассматриваются четыре основных способа выражения множественности: морфологический, синтаксический, лексический и фонетический.

Работы, посвященной специально способам выражения множественности, в чувашском языке до сего

(1) См. об этом: А. А. Холодович . Категория множества в японском языке в свете общей теории множества в языке. «Уч. записки, ЛГУ, в. X. Л., 1946; А. П. Рифтин. Из истории множественного числа в греческом и латинском языках, там же; В. И. Цинциус. Множественное число имени в тунгусо-маньчжурском языках, там же; С. А. Козин. К вопросу о показателях множественности в монгольском языке, там же; В. З. Панфилов. Грамматика нивхского языка. Ч. 1. М.—Л., 1962; С. Н. Иванов. Родословное древо тюрок Абу-л-гази-хана, Ташкент, 1969, стр. 31—46; А. М. Щербак. Форма числа у имен в тюркских языках. В. Я., №3, 1970; Г. А. Меновщиков. Способы выражения единичности и множественности в языках различного типа. ВЯ, №1, 1970; М. А. Кумахов. Число и грамматика. ВЯ, №4, 1969; А. А. Реформатский. Число и грамматика. В книге «Вопросы грамматики», М.—Л. 1960.

А-720
НАЦ... БИБ... ЧУВАШСК...

времени не было, за исключением отдельных статей (1), в которых исследователи частично освещали лишь аффиксальный способ выражения множественности.

Основными материалами при написании диссертации служили: современная чувашская проза и поэзия, образцы устного народного творчества (фольклора), устная разговорная речь, словари. Для полного освещения и уточнения ряда сторон изучаемого вопроса были использованы также примеры из грамматик ряда языков не только алтайской семьи, но и других языковых групп, а также данные памятников древнетюркской письменности.

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и сокращений.

Во введении освещается общетеоретический вопрос становления и развития категории количества в языке. Рассматривая вопрос о происхождении таких понятий, как число и фигура, Ф. Энгельс писал: «Понятия числа и фигуры взяты не откуда-нибудь, а только из действительного мира. Чтобы считать, надо иметь не только предметы, подлежащие счету, но и обладать уже способностью отвлекаться при рассматривании этих предметов) от всех прочих их свойств, кроме числа, а эта способность есть результат долгого, опирающегося на опыт исторического развития» (2). Это высказывание Ф. Энгельса позволяет нам наметить основные этапы, через которые прошла категория количества в своем развитии.

Одним из этапов в становлении категории количества является выбор эталона. Выделение эталонов, по отношению к которым устанавливалась равночисленность всех других множеств, привело к возникновению понятий об определенных количествах, т. е. чисел, т. к.

(1) Н. А. Андреев. Категория множественности и аффиксы множественности в чувашском языке. «Записки» ЧНИИ, в. VI, Чеб., 1952. стр. 173—184; И. А. Андреев. Происхождение формы множественности имен в свете диалектных данных. «Материалы по чувашской диалектологии», в. Ш. Чеб., 1969, стр. 44—58;

(2) К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 20, изд. 2-е, стр. 37.

«число можно определить как общее свойство всех равномощных друг другу множеств» (1). В свою очередь, возникновение в языке числительных, употребляющихся при абстрактном счете, переход от различных типов собирательной множественности в пределах грамматической категории числа свидетельствуют о следующем этапе в развитии категории количества.

Говоря о количестве, мы должны иметь в виду, что в его понятие входят единичность и множественность. Как известно, значение единичности в языке связывается со значением числительного пёр «один», а к множественности относится любое количество, превышающее единицу. Единичными и множественными могут быть не только предметы, но и действия и явления. По мнению многих исследователей, множественность в языке выражается тремя (2) способами: морфологическим, синтаксическим и лексическим. На наш взгляд, способом выражения единичности, как и множественности, может быть также и интонация.

Первая глава диссертации посвящена исследованию морфологического способа выражения множественности. В данной главе рассматриваются различные аффиксы, посредством которых выражается множественность. Среди них самым продуктивным является формант множественности — сем. Весьма интересным является этимология этого аффикса. Этот вопрос ставился многими тюркологами и алтаистами, но удовлетворительного решения все еще не получил (то же самое

(1) С. А. Ясновская. О так называемых «определениях через абстракцию». — Сборник статей по философии математики. М., 1936, стр. 110; см. также В. З. Панфилов. Категории мышления и языка. Становление и развитие категории количества в языке. В. Я. №5, 1971, стр.3—18.

(2) А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр 72; его же Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр.83—84; А. Д. Данияров. Категория множественности в современном казахском языке. АКД, Алма-Ата, 1965; Р. Хазратова. Выражение множественности в именах туркменского языка. АКД, Ашхабад, 1971; А. Дж. Ализаде. Категория числа в азербайджанском языке (на материале письменных памятников XIV—XIX веков). АКД, Баку, 1966.

Высказывания ученых по поводу возникновения аффикса —сем сводятся, в основном, к двум точкам зрения: одни исследователи возводят—сем ко полноценному слову —*сан (1) «число» или сайын (2) «каждый», другие видят в нем фузионное сплавление двух общеалтайских суффиксов: —*с + —н или —*са + —ин, или сочетание аффикса множественного числа—*с с дополнительным элементом н. (4).

Интересно в этом отношении высказывание Дж. Г. Киекбаева, (5) который в чувашском аффиксе—сем видит основу неопределенности —*са —сэ + показатель собирательной множественности —м, а Н. Я. Марр возвел —сем к < —*са + мар (6).

Существует мнение, что форма множественности имен —сем не древнее образование, а результат довольно поздних преобразований, происходивших при активном участии нетюркского субстрата (К. Гренбек(7) А. М. Щербак, И. А. Андреев). Этот вопрос является дискуссионным. Исходя из этого факта, что категория собирательности предшествует множественному числу, что древнейшие числовые формы имени в некоторых алтайских языках связаны с образованиями, имевшими значение «тело, человек, род, племя, группа кровных, родственников», нетрудно доказать, что на первой стадии развития количества численность (2) воспринимается как одно из свойств совокупности людей. Поэтому можно предположить, что слову *сан со значением «число, количество, множество» предшествуют слово *сен или (син) со значением «люди», «народ», «человек». Превращение самостоятельного слова со значением «человек», «народ», «люди» в показатель множественности отмечено, например: 1) в языке хинди: —лог < *лока «народ», «люди»; 2) в коми—пермяцком языке—йез < йӧз «народ», «люди».

Разнообразие разновидностей аффикса — сем и отсутствие велярного варианта —сам в низовом диалекте чувашей объясняется тем, что возникшее по линии твердорядности самостоятельное слово *сан (как реликт полисинтетизма) (4) начал широко использоваться в одном из диалектов суваров (сувазов), а в другом диалекте синтетические комплексы строились только на основе самостоятельного слова *син (или чин чен). Соответственно, впоследствии в низовом диалекте чувашей получилась форма —сем (—сём) < *син, а в диалекте верховых чувашей —сам (—сем) < сан (сен), *син.

В выявлении праформы чувашского форманта множественности —сем большую роль играет анализ тунгусо—маньчжурского форманта —сал (—сэл), марийского — шамыч, коми-зырянского—йан, монгольского

(1) Н. И. Ашмарин. Материалы для исследования чувашского языка. Ч.1—П. Казань, 1898, стр. 150—151; И. А. Андреев. Происхождение формы множественности имен в свете диалектных данных. «Материалы по чувашской диалектологии», в. Ш. Чебоксары, 1969, стр. 44—58.

(2) Г. И. Рамстедт. ВВедение в алтайское языкознание. М., 1957, стр. 61.

(3) р. 2, 1052: 1957, с. 150.

(4) W. Kotwicz, Les pronoms.., Krakow, 1936, стр. 25—26.

(5) Дж. Г. Киекбаев. ВВедение в урало-алтайское языкознание. Уфа, 1972, стр. 142—143.

(6) Н. Я. Марр. Отчет о лингвистической поездке к волжско-камским народам. «Известия Академии наук», 1926, стр. 1825-1832.

(7) K. Grönbech, Der türkische Sprachbau, Kopenhagen 1936, стр. 58.

(1) Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков, ч. 1. М., 1953, стр. 133—135; В. И. Цинциус. Множественное число имени в тунгусо-маньчжурских языках. Указ. работа, стр. 113; В. З. Панфилов. Грамматика нивхского языка. Указ. работа, стр. 95.

(2) И. Г. Башмакова, А. П. Юшкевич. Происхождение систем счисления. «Энциклопедия элементарной математики», в. I, 1951, стр. 18.

(3) Б. А. Серебренников. Историческая морфология пермских языков. М., 1963, стр. 86 и 91.

(4) М. А. Черкасский. Очерки по исторической фонологии тюркских гласных. АКД. М., 1963, стр. 11.

—чин (—тан, —шан), камасинского —санг (—сенг), сабардинского—сымэ, нивхского —хун (—гун). По данным исследований, как монг.—чин («шан,—тан), тунг.—маньч. —сал, —сэл, так и чув. —сем (—сам), нивхс. — хун;—кун первоначально выражали совокупную множественность людей, группу кровных родственников. Интересно при этом отметить, что в орхонских надписях общетюркский формант множественности — лар используется редко, преимущественно в терминах родства К. Гренбек, (1) сравнивая формы на—лар с формами на —гӳн, пришел к выводу; что—лар в древнетюркском языке выражал не число; а собирательность.

Аффикс—сем (—сам) широко употребляется в чувашском языке для выражения множественности. Этот продуктивный аффикс присоединяется к существительному, прилагательному, числительному; местоимению; наречию; глаголу и даже к вспомогательным словам, придавая им оттенок субстантивированности. Аффикс —сем, присоединяясь к именам существительным, выражает: 1) членимую множественность, куҫсем шарса кайрĕҫ «в глазах зарябило»; урасем ывăнчĕҫ «ноги устали» (т. е. усталость чувствуется в ногах); 2) собирательность элĕксем «аликовские», муркашсем «моргаушские», в зависимости от речевой ситуации такие слова могут обозначать и единичность, например:

эпĕ элĕксем «я аликовский (человек)»
эсĕ ишлейсем «ты ишлейский (человек)»
вăл шупашкарсем «он чебоксарский (человек)»,

3) присоединяясь к именам собственным, аффикс —сем придает им следующие значения: а) коллективной множественности (собирательности): Петĕрсем «Петр и его семья» или «Петр и его товарищи», или «несколько человек по имени Петр» (вполне возможно, что в зависимости от контекста. Петĕрсем может означать только одного Петра — значение почтительности); б) обобщение, сравнение: Ҫеҫпĕлсем «такие люди, как поэт Сеспель»; 4) репрезентативное множество: сăмаварсем хатĕрле-ха «поставь-ка самовар и чайные приборы»; ҫăкăрсем чиксе хатĕрле-

(1) К. Грёнбек, указ. раб., стр. 57—83.

ха ҫул ҫине валли «уложи-ка провизию на дорогу» (в зависимости от контекста слова сăмаварсем, ҫăкăрсем могут также означать «несколько самоваров, несколько буханок хлеба»); 5) почтительности: аттесем патĕнче пултăм «был у отца» (аттесем может означать отца и членов его семьи); 6) приблизительность: ик сехетсенче «примерно в два часа»; Хусансенче «в таких городах, как Казань».

Аффикс—сем, присоединяясь к основе качественных прилагательных, субстантивирует их, а субстантивированные прилагательные могут выражать как членимую, так и собирательную множественность: ватăсем «старики»; ҫамрăксем «молодежь». Аффикс—сем субстантивирует также: 1) интенсивную степень прилагательных: сап-сарриҫем «те, желтые-прежелтые»; 2) сравнительную и превосходную степени прилагательных, выражая при этом выделительное, конкретное множество: пысăкраххисем «те, более крупные»; чи пысăккисем «те, самые большие». При этом нужно указать, что аффикс—сем присоединяется к прилагательному через выделительный суффикс —и.

Числительные обозначают количество предметов, их порядок при счете, а также количество предметов как совокупность, как одно целое или же количество, распределенное по группам. В качестве определения количественное числительное выступает в роли количественного определителя предмета: ик кĕнеке «две книги», вуннă ҫын «десять человек». При этом определяемое имя обычно не оформляется аффиксом множественного числа, что считается нормой для всех тюркских языков. Такое правило, названное О. Есперсеном примером разумной экономии при выражении неопределенного приблизительного возраста людей или отрезка времени, нарушается: (виҫĕ сехетсенче примерно в три часа», вăл вăтăр ҫулсенче «ему, примерно, тридцать лет». Самостоятельные порядковые числительные с аффиксом — сем выражают; 1) собирательное множество лиц или предметов, расположенных в естественном порядке: виҫҫĕмĕшĕсем «третьеклассники, третьекурсники» (букв. третие»; 2) приблизительную дату: ҫирĕммĕшсем тĕлнелле «примерно к двадцатому числу».

Числительные собирательные включают в себя следующие формы числительных: 1) иксĕмĕр, виҫҫĕмĕр, ултсăмăр «мы вдвоем, втроем, вшестером»: а) юлташпала иксĕмĕр пуранатпăр пит лайăх «мы с товарищем вдвоем замечательно живем; б) ултсăмăр пулла кайрăмăр «мы вшестером пошли на рыбалку»: 2) иксĕр, виҫҫĕр, ултсăр «вы вдвоем, втроем, вшестером»: иксĕр те çамрăк «оба вы молоды»; ултсăр та килĕр «приходите все шестеро»; 3) иккĕшĕ, виҫҫĕшĕ, улттăшĕ: вĕсенчен иккĕшĕ — шупашкарсем «двое из них —чебоксарские».

Был высказан ряд предположений по поводу возникновения аффиксов порядковых числительных и собирательных. В частности, отмечалось, что аффикс порядковых числительных —ăм (—ĕм) образовался от аффикса собирательных числительных —сăм (—сĕм), где последний А. Н. Кононовым (1) возводится к форманту множественности —сам (—сем).

Собирательные числительные образуются и при помощи аффикса —ăн (—ĕн): иккĕн, улттăн «вдвоем, вшестером»: иккĕн икерч çиме, улттăн авăн çапма лайăх «вдвоем хорошо есть блины, вшестером — молотить». Собирательные числительные выражают определенное количество лиц и предметов безотносительно к другим.

В личных местоимениях аффикс—сем присединяется только к местоимению 3 лица единственного числа вăл —сем-вĕсем «они», где — сем является показателем коллективной множественности лиц и предметов. Употребление форм эпирсем, эсирсем, по сравнению с тюркскими бизлар «мы», сизлар, сенлар «вы», в чувашском языке встречается очень редко. По мнению многих исследователей элемент — з в личных местоимениях биз, сиз является показателем множественности (двойственности). Основываясь на фонетическое соответствие чувашского — р и тюркского — з, элемент «р» мы должны считать также показателем множественности. Но в последнее время гипотеза о существовании множественного числа на —з подвергается сомнению (1). Интересна в этом отношении гипотеза О. Бетлинга, поддержанная В. В. Радловым и С. Е. Маловым, согласно которой «з» в местоимениях 1 и 2 лица мн. числа объясняется как элемент, образовавшийся в результате стяжения местоимения 2 лица единственного лица си «ты»: биз=би+си; сиз=си+си (2).

(1) А. Н. Кононов. Тюркские этимологии. «История и филология стран Востока». Ученые записки ЛГУ, №179, в. 4, Л., 1954; стр 268—273. Мы предполагаем: —сăм(—сĕм) < сĕм < син.

Но эта гипотеза не дает ясного представления о появлении чувашского постпозитивного «р», тем более препозитивного «э» в личных местоимениях 1 и 2 лица мн. числа эпир, эсир «мы, вы».

Интересно отметить те случаи, когда по значению эпир-эпĕ и эсир=эсĕ. Это — множественное скромности, вежливости и множественное преувеличенное: эпир çапла шутлатпăр «мы» так думаем» (вм. эпĕ çапла шутлатăп) «я так думаю».

Грамматикализация личных местоимений эпĕр и эсĕр привела к появлению аффиксов сказуемости и принадлежности —ăр (—ĕр) для первого и второго лица мн. числа (2). Аффикс сказуемости —ăр (—ĕр) указывает на множество лиц, творящих совместно: ĕҫлетпĕр «работаем», ĕҫлетĕр «работаете», а аффикс принадлежности —ăр (—ĕр) указывет на множество обладателей: кĕнекемĕр «наша книга». Для придания речи большей эмфазы в поэзии, в фольклоре да и в устной речи употребляется двойная форма аффикса принадлежности или сказуемости: тăванăмăрсемĕр «наши родные», «калăрсамăр «скажите, пожалуйста».

Аффиксы —самăр (—семĕр), —ăрсам (—ĕрсем) являются сложными: здесь связаны два самосостоятельных аффикса —ăр (—ĕр) + —сам (—сем) или —сем (—сам) + —ăр (—ĕр). По мнению В. Г. Егорова в аффиксах повелительного наклонения 2 лица мн. числа—самăр, —ăрсам показателем множественности выступает только —ăр (—ĕр), а —сам (—сем) не имеет ника-

(2) В. Г. Егоров. «Ялав», №10, 1960, стр. 31.

кого отношения к форманту множественности. При этом нужно отметить, что аффикс повелительного наклонения—сам (—сем), встречается в чувашском языке только во втором лице единственного и множественного числа, а в большинстве тюркских языков выступает аффикс —сын, —зын, — сун, употребляющийся в 3 лице единственного и множественного числа. По предположению О. Бетлингка(?). —сын, —зун восходит к —син.

Проникает ли форма —сем в сферу чувашского глагола? В чувашском язокознании этот вопрос остается дискуссионным. Поддерживая мнение В. Шотта, Н. И. Ашмарин, Н. А. Андреев и В. Г. Егоров высказали мнение, что аффикс 3 лица множественного числа «çĕ» родствен окончанию множественного числа имени —сем (—сам) (2).

Против такой постановки вопроса выступил И. А. Андреев, который утверждает, что «...в отличие от именного аффикса множественного числа — лар других тюркских языков, чувашская форма (3) совсем не проникает в сферу глагола». Мы поддерживаем мнение В. Г. Егорова, но в его схему «возможных» переходов вносим поправку: первоначальным считаем форму илетĕсĕм (а не илетĕ-сем) > илечĕçĕм > илечĕçĕ — илечçĕ > илеççĕ—илеç «берут».

Аффикс 3 лица множественного числа —ç (—çĕ, —ççĕ) показывает, что данный процесс относится к множественному субъекту: вулаççĕ «читают», кулаççĕ «смеются», калаçаççĕ «говорят».

Предположительно можно говорить о связи показателя взаимного залога —ç (—ш) с показателем множественного числа —сем (—сем) < —син.

В некоторых тюркских и монгольских диалектах (1) аффикс взаимного залога—ш, в действительности, и сейчас широко используется в качестве форманта множественности и обозначает действие, совершаемое несколькими лицами. Видимо, раньше и в чувашском языке нынешние аффиксы взаимного залога — ш (—ç) служили в качестве показателя множественности в глаголах, но степень распространенности их была незначительна и в языке они не получили широкого распространения и «законсервировались». По словам В. В. Виноградова, понятие взаимности прежде всего заключает в себе признак взаимодействия двух или нескольких лиц (2).

Но в чувашском языке часто встречаются случаи, когда аффикс взаимного залога —ш или —ç выражает многократное действие одного субъекта: çухăрашать «покрикивает», а признак взаимодействия лишь в том случае, если за аффиксом взаимного залога следует аффикс множественного числа —ç (—ççĕ): çухăрашаççĕ «кричат, орут друг на друга».

Раздельное множество в чувашском языке передается аффиксами — шар (—шер) и —серен, —массерен (—мессерен). Исходя из того факта, что аффикс —шар (—шер) присоединяется не только к основе количественных числительных (икшер «по два», виçшер «по три», но и к существительным (улмашар «каждому по яблоку», куркашар «каждому по ковшу чего-либо»), к прилагательным (пĕчĕкшер черккен эрех сыпма «пить вино по маленькой рюмке (в несколько приемов»; пысăкшар чикĕмĕн йăт «нести большими охапками (несколько раз»), к наречиям (теперь, тепĕршер минутран «через несколько минут»), следует рассматривать его не только как аффикс разделительных числительных, а как один из видов аффикса множественности. Весьма интересен этот аффикс в этимологическом плане. До сих пор его происхождение остается неясным.

Указывая на историческое соответствие согласных

(2) Н. И. Ашмарин. Материалы..., стр. 303; Н. А. Андреев. Категория множественности и аффиксы множественности в чувашском языке. Записки ЧНИИ, в VI, Чебоксары, 1952, стр.181; В. Г. Егоров. Глагол. Сб. МГСЧЯ, ч.1, Чебоксары, 1957, стр. 189.

(3) И. А. Андреев. Происхождение форм множественности в свете диалектных данных, указ. раб., стр. 44.

(1) Г. И. Рамстедт. ВВедение в алтайское языкознание. М., 1957, стр. 152; В. Котвич. Исследование по алтайским языкам. М., 1962, стр. 207.

(2) В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1972, стр. 497.

л//ш. Ф. Г. Исхаков писал, что употребление хакасского —лар (—лер) и ногайского (—сер) вместо —шар (—шер) в других языках представляет весьма интересное явление (1) в историко-фонетическом отношении». Степень распространенности таких вариантов в тюркских языках и характер выражаемых значений в чувашском языке, видимо, говорят о связи аффикса —шар (—шер) с формантом множественности —лар.

В последнее время в чувашском языкознании появилось мнение, что —шар (—шер) не выражает никакой множественности (2). Но фактический материал подтверждает обратное, аффикс—шар (—шер) может выражать дистрибутивное, определенно-конкретное и неопределенное множество: 1) Петĕрпе Нинăн икшер улма патăм «Петру и Нине дал по два яблока» (значит 4 яблока); 2) тӳпере пиншер çăлтăр çутатать «на небе светит множество звезд» (дословно пиншер «по тысячи»).

Послелог-аффикс —серен употребляется с именами существительнымии выражает выделительно-разделительное (дистрибутивное) множество предметов (3): килсерен телевизор «в каждом доме по телевизору», а сочетаясь с субстантивированными инфинитивами на —ма (—ме), образуют деепричастия на —массерен (—мессерен), где при совершении каждого деепричастного действия обязательно совершается другое (глагольное) действие или несколько действий: курмассерен ал тытать «при каждой встрече, приветствуя, пожимает руку». Этимологически «серен возводится к тюркскому сайын «каждый».

Собирательность является частным случаем категории множественности. В чувашском языке имеются следующие аффиксы, показатели собирательной множественности —лăх (—лĕх), —сар (—сор, —сур), —мас (—мес).

(1) Ф. Г. Исхаков. Числительное. Сб. ИСГТЯ, ч. П. М., 1956, стр. 201.

(2) И. П. Павлов. Хисеп ячĕсен хăшпĕр формисемпе усă курасси çинчен. «Таван Атăл», №7, 1972, стр. 79—80.

(3) Дистрибутивный характер множества, выражаемого путем аффикса—серен, очевиден в особенности в тех случаях, когда в русском языке ему соответствует сочетание определительного местоимения «каждый» с соответствующим именем существительным. См. В. З. Панфилов. Грамматика нивхского языка. М., 1962, стр. 97.

Аффикс —лăх (—лĕх) является самым богатым по своим значениям среди всех именных словообразовательных аффиксов. В интересующем нас аспекте он образует имена: а) с наиболее общим предметным и собирательным значением: пурлăх «имущество», «пуянлăх «богатство»; б) обозначающие скопление, изобилие чего-либо: хурăнлăх «березняк», юманлăх «дубняк». По мнению Н. К. Дмитриева, это значение является исходным для формирования других абстрактных значений (1).

Аффиксы собирательности — сар (—сор, —сур) и —мас (—мес) в чувашском языке считаются непродуктивными. По значению аффикс —сар стоит близко к аффиксу —лăх, когда последний выражает скопление предметов природы: юмансар — юманлăх «дубняк», çăкалăх — çăкасар «липняк». Аналогичный аффикс с тем же значением встречается и в узбекском языке: гулзор «цветник».

Аффикс — мас (—мес) выражает признак, изобилие качества: шăлламас «зубастый», по семантике он близок к аффиксу —лă (—лĕ): çăмламас—çăмлă «лохматый».

К аффиксам множественности, указывающим на многократность и интенсивность действия, мы относим: —кала (—келе), —ала (—еле), которые по своему значению в какой-то степени соответствуют русским глаголам многократного вида. К. С. Аксаков (1) в таких глаголах, как хаживать, говаривать отмечал значение «неопределенного множества» отдельных проявившихся моментов. А. А. Потебня (2) назвал их множественными.

В чувашском языке у аффикса —кала (—келе) главенствующим является значение эпизодичности, не-

(1) Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 66. К. С. Аксаков. Полн. собр. соч., т. 2, ч. 1, стр. 414; 430.

(2) А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. 4, стр. 77—78; см. также В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1972, стр. 387; А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. М., 1941, стр. 475.

регулярности, многократности действия: п ӑ х к а л а т ь «посматривает», а аффикс —ала (—еле) выражает продолжительность, интенсивность (а иногда с оттенком многократности).

По мнению О. Есперсена (3), действительная множественность глагола —это то, что выражается фреквентативом или итеративом.

Значение многократного (повторного) действия в чувашском языке проявляется в прошедшем несовершенном (в прошедшем многократном), в давнопрошедшем категорическом и в настоящем временах: 1) в у л а т т ӑ м «бывало, читал», кимĕпе я р ӑ н а т т ӑ м ӑ р «катались на лодке»; 2) у т с а т т ӑ м ӑ р эпĕр, ы й т с а т т ӑ м ӑ р çӑкӑр (Ваçанкка) «долго и много ходили мы, просили много раз хлеба»; 3) хĕвел тухать, шыв юхать, ир пулать те каç пулать, ĕмĕр иртни сисĕнмест «солнце всходит, вода течет, приходит утро, наступает вечер— жизнь проходит незаметно».

Множественное число времени было отмечено в свое время А. А. Потебней (1) и О. Есперсеном (2), как разновидность множественного числа (ср. мн. ч. времени, места, состояния и т. д.). В вышеназванных случаях понятие времени связывается с понятием повторности и многократности. Понятие множественности здесь того же порядка, что и в фреквентативных образованиях.

Вторая глава диссертации посвящена исследованию-синтаксического и лексико-синтаксического способов выражения множественности. К лексико-синтаксическому способу относятся парные слова и редупликации, поскольку чисто синтаксический способ выражения множественности в чувашском языке реализуется: 1) сочетанием существительного-определяемого с определением, выраженным именем числительным количественным или неопределенным (или обобщительными местоимениями); 2) аналитической формой—сах (—са, —а) + тăр.

Парные слова можно рассматривать и как лекси-

(3) О. Есперсен. Философия грамматики. М., 1958, стр. 244.

(1) А. А. Потебня. Значение множественного числа в русском языке. Воронеж, 1888 (отд. оттиск из «Филологических записок»).

(2) О. Есперсен. Философия грамматики. М., 1958, стр. 323.

ческий способ выражения множественности. По этому вопросу нет единого мнения среди тюркологов (3), парные слова и удвоения рассматриваются то как синтаксический, то как лексико-синтаксический способ выражения множественности. По мнению Н. К. Дмитриева, способ выражения множественности парными словами является архаичным (1). В современном чувашском языке собирательность, множественность передается: а) парными словами—синонимами: Аттен к и л-ç у р т сала пек (фольк.) «Отцовские постройки словно село»; б) парными антонимами: Пирĕн пек чухăн ы в ӑ л-х ĕ р хыт çăкăр çинет шыв ĕçет (фольк.). «Подобная нам бедная молодежь (досл. сын-дочь. —В. С.) ест хлеб черствый и воду пьет»; в) парными словами, коррелятивными по своему значению: Х ĕ ç п е-п ӑ ш а л п а тухрăм эп вăрçа (Хус.) «С оружием в руках пошел я на войну (досл. х ĕ ç п е-п ӑ ш а л п а «с мечом-ружьем. —В. С.); г) парными словами с одним затемненным компонентом:

1) А ч и-п ӑ ч и выляса
Чупса çӳрет урамра (К. Ив.)

«Детвора, играя и резвясь. Наперегонки по улице бежит».

2) Çемьере с а в ӑ т-с а п а шакăртатмасăр пулмасть «в семье не без ссор (досл. в семье не бывает без звона посуды. — В. С.).

Особый интерес вызывает этимология многих затемненных компонентов, например, в таких парных словах, как: 1) тути-маси «вкус, вкусовые качества», где слово м а з а также означает «вкус» и входит в состав узбекского парного слова м а з а-м а т р а с тем же значением, что и в чувашском языке; 2) с а в ӑ т-с а п а «посуда», в современном чувашском языке «сапа» встре-

(3) А. Дж. Ализаде. Категория числа в азербайджанском языке. АКД. Баку, 1966, стр. 4.

А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 84; его же. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956. стр. 72; А. Д. Данияров. Категория множественности в современном казахском языке. АКД. Алма-Ата, 1965, стр. 26—29; Р. Хазратова. Выражение множественности в именах туркменского языка. АКД. Ашхабад, 1971, стр. 15.

(1) Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 221.

чается только в составе парного слова, но в бурят-монгольском саба «посуда, сосуд», в тюркских языках саба «бурдюк».

Исследования показывают что затемнению подверглась в большинстве случаев вторая часть парного слова, которая в большинстве случаев является синонимом к первому слову.

Редупликации, как и парные слова, в чувашском языкознании мало разработаны. О них лишь бегло говорится в работах С. П. Горского (1), В. Г. Егорова (2) и И.П. Павлова (3). Авторы грамматик не только чувашского, но и других тюркских языков, ограничиваясь лишь констатацией различных видов повторов, мало уделяют внимания их семантике и классификации.

В настоящее время в противоположность аффиксальному способу выражения множественности и парным словам, редупликация существительных используются только для выражения дистрибутивного типа множества или же для выражения многократного, повторного и длительного действия. По способу образования редупликации делятся на шесть типологических групп: 1) полная редупликация:

Ял-ял витĕр тухрăмăр,
Хир-хир урлă каçрăмăр (фольк.)

«Проехали много деревень (досл. деревня-деревня сквозь выходили.—В. С.). много-много полей переехали» (досл. поле-поле поперек переехали.—В. С.); 2) деформированная редупликация: шăр-шăр çухăрни илтĕнет «слышны разные восклицания»; шăтăрт-шатăрт туса хуçалать »ломается с треском»; 3) аффигированная редупликация:

а) Чашки-чашки сарă мăйăр
Кампа ларса çием-ши?

«Целыми чашками спелые орехи с кем бы посидеть и поесть?» б) Пиçсе çитнĕ çырласем çупкăмăн-çупкăмăн çакăнса тăраççĕ. «Спелые ягодки висят гроздьями»; 4) рифмованные редупликации (или удвоения с повторяющимися последними слогами): пухăнна унта пур шăкăр-макăр «там собрались только подростки»; 5) частичная редупликация:

Хĕрлĕ,хĕрлĕ, хĕп-хĕрле
Илем кӳрет тем тĕрлĕ.

«Красный, красный, совершенно красный цвет Придает весьма живописный вид»; 6) редупликативные фразы: ушкăнтаушкăн хуркайăк иртет «стаями пролетают журавли»; çупкăм кăна çупкăм пилеш çырли «гроздьями ягодки рябины».

Если парные слова и редупликации считаются архаичными способами выражения множественности, то следующий способ — сочетание существительного с предшествующим ему числительным количественным— считается предшествующим аффиксальному способу выражения множественности. По этому поводу Н. К. Дмитриев писал: «Если тюркское слово в своей первоначальной форме означает целую категорию, то понятно, что при количественных числительных существительное ставится в единственном числе. Это норма для всех тюркских языков» (1). Например: пилĕк çын «пять человек», «икĕ кĕнеке «две книги» (досл. две книга. —В. С.). Это явление О. Есперсеном названо «примером разумной экономии» (2), поскольку в данном случае всякое другое выражение множественности у существительного считается излишним. Но при выражении неопределенного отрезка времени, при указании неопределенного возраста эта «норма» в чувашском языке нарушается: ик сехетсем тĕлнелле «примерно, к часам к двум»; вăл çирĕм—çирĕм икĕ çулсенче «ему примерно двадцать—двадцать два года».

К синтаксическому способу выражения множественности относится и аналитическая форма (3) на —сах (—са, —а) + тăр. —Эта форма образуется по следующей схеме: основа глагола аффиксы деепричастий —са, —а (иногда с усиливающей частицей —ах) + вспомогательный глагол тăр—:

(1) С. П. Горский. Аналитические и синтетические тенденции в чувашском языке. «Записки» ЧНИИ, в. 1, 1941.

(2) В. Г. Егоров. Словосложение в тюркских языках. Сб.: «Структура и строй тюркских языков», М., 1971, стр. 95—107.

(3) И. П. Павлов. Хальхи чăваш литературa чĕлхи. Морфологи. Шупашкар, 1965, стр. 36—49.

(1) Н. К. Дмитриев. Категория числа. Сб.: Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. П. М., 1956, стр. 68—69.

(2) О. Есперсен. Философия грамматики. М., 1958, стр. 241.

(3) А. А. Юлдашев. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965, стр. 72.

-720 НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

1) Хуҫа арӑмӗ пӑттине х у р а х т ӑ р а т ь (Ашм.) «Хозяйка то и дело подбавляет каши»; 2) Ятласах тӑрать «все время ругает».

В других тюркских языках этой чувашской форме соответствует аналитическая форма на —п + тур — (а в якутском: —а (—ыы) + тур—). Среди других значений у этой формы есть и значение многократного, регулярно происходящего действия, например: башк. Хаты килеп тора «От него письма приходят (регулярно)». Вместо вспомогательного глагола тӑр—в чувашском языке могут употребляться и другие, например: вырт—, ҫӳре—, лар—: я т л а ҫ ҫ а х ҫ ӳ р е т «все время ругается», «м ӑ к ӑ р т а т ҫ а х л а р а т ь «ворчит все время» (досл. ворча сидит. —В. С.). Но эти вспомогательные глаголы в какой-то степени сохраняют свою значимость. Множественность отражается и в явлении согласования. Описывая грамматические категории, Г. Пауль пишет, что «число становится грамматической (2) категорией только благодаря согласованию».

Особый интерес представляет исследование природы согласования подлежащего со сказуемым в числе в историческом плане. Материал фольклорных произведений показывает, что раньше согласование главных членов предложения в числе было произвольным: и ҫ и л с е м вӗрет «и ветры дуют» (досл. ветры дует. — В. С.). Это наталкивает на мысль, что аффиксальное выражение множественности распространилось сначала на имена, а на глаголы значительно позже. Поскольку имена в форме общего числа выражали в древности как собирательное множество, так и единичность, то естественно согласование главных членов шло по форме единственного числа. Подтверждением тому могут служить собирательные имена, которые в современном чувашском языке, выступая в роли подлежащего, требуют от сказуемого формы единственного числа: халӑх кӗрлет «народ шумит». На форму сказуемого в таких случаях не влияет даже обобщающие слова типа: пур, пӗтӗм «весь», вӗҫсӗр «бесчисленно» и т. д.: п у р х а л ӑ х та вӑрҫа хирӗҫ тӑрать пулсан... «если все народы стоят против войны».

Подлежащее, выраженное собирательным именем

(2) Г. Пауль. Принципы истории языка. М., 1960, стр. 321.

1962, стр. 93.

с аффиксом—сем, согласуется со сказуемым во множественном числе: Африкӑри х а л ӑ х с е м хӑйсен ирӗклӗхӗшӗн к р е ш е ҫ ҫ ӗ «африканские народы борются за свою свободу». Если подлежащее выражено личными местоимениями 1 и 2 лица мн. числа, то именное сказуемое может принимать форму как форму ед. числа, так и мн. числа: эпир чӑваш, эпир чӑвашсем «мы чуваши».

Наряду со всеми особенностями согласования подлежащего со сказуемым, заслуживает внимания и согласование определения и определяемого в числе в конструкциях, типа: 1) существительное + существительное; 2) прилагательное + существительное; 3 числительное + существительное. Двустороннее употребление аффикс —сем встречается только в определительной группе типа «существительное + существительное», в названном нами одноаффиксным изафетом, например: ҫ ы н ҫ ӗ р и «сердце человека». Здесь возможны следующие варианты: 1) ҫ ы н с е н ҫ ӗ р и «людские сердца» (ед. ч.); 2) ҫ ы н ҫ ӗ р и с е м «людские (ед. ч.) сердца»; 3) ҫ ы н с е н ҫ ӗ р и с е м «сердце людей». Такое двустороннее употребление аффикса —сем в других определительных группах (прилагательное + существительное и числительное + существительное) не встречается.

Третья глава диссертации посвящена исследованию лексического и фонетического способов выражения множественности в чувашском языке. В этой главе говорится о множественном и единственном числе, об именах собирательных и об интонации, как о способах выражения множественности. Поскольку назывная форма имени может указать не только на единичной предмет, но и на множество предметов, например: карталанса т ӑ р н а вӗҫет «вереницей летят журавли» (досл. вереницей летит журавль. — В. С.), то форма существительного, внешне совпадающая с его основой, можно назвать формой общего числа (1). Исходя из фактического материала современного чувашского языка, мы можем сделать следующий вывод: чувашское единственное число — категориальная форма числа, указывающая как на единичность, так и на собирательность предмета и показывающая, что данный процесс относится как к единичному субъекту, таки в коллективу: ҫӳлте, пӗ-

(1) В. З. Панфилов. Грамматика нивхского языка. М.—Л.,

лёт айёнче. Тăри юрри илтёнет (К. Ив.) «Высоко на небе Жаворонки уж подняли трезвон (досл. тăри юрри илтёнет «жаворонка песня слишится) —В. С.), а чувашское множественное число, в свою очередь, обозначает не только множество предметов, но и множество частей, составляющих одно целое. (1)

В современном чувашском языке все существительные, формально употребляемые в речи в единственном числе, в зависимости от речевой ситуации (контекста) могут передавать значение множественности. Это значит, в чувашском языке лексический способ выражения множественности также широко распространен, как и морфологический (аффиксальный) и синтаксический.

К собирательным именам в семантическом отношении могут быть отнесены все те существительные, которые являются обозначениями совокупностей предметов, представляющих собой такие единства, качественная определенность которых не сводима к качественной определенности составляющих их отдельных предметов. Собирательность в чувашском языке может передаваться и посредством аффиксов. Например, формант множественности — сем, помимо выражения дистрибутивного множества, сообщает слову и значение собирательности: çынсем «люди» (ср. икĕ çын «два человека», кашни çын «каждый человек»).

В отличие от русского языка, где значение собирательности имеет особые формы своего выражения, противопоставляемые формам выражения единичности и множественности (ср. лист—листья — листва; тряпка —тряпки—тряпье) и имеющие продуктивный характер, в чувашском языке имеется ряд непродуктивных аффиксов собирательности, например:—лах (—лĕх), — сар (—сур,—сор), —мас (—мес): çăкалăх «липняк», юмансар «дубняк», шăртламас «щетинистый».

Из значения собирательности развилось также значение интенсивности, длительности или частой повторяемости при обозначении явлений природы: сивĕсем «холода», çилсем «ветры», çумăрсем «дожди». На значении собирательности и совокупности основано употреблении множественного числа для обозначения массы вещества: çу—сем «масла, жиры».

Но бывают случаи, когда в разговорной речи говорящий не прибегает к открытому тексту, чтобы выразить множество или собирательность назывной формой имени, а выражает количество интонацией. Например, в зависимости от интонации слова ача «ребенок» в связном предложении «Ача урамра вылять» «ребенок играет на улице» может означать сугубо единичность, т. е. одного ребенка, но это же слово может передать значение очень большого множества детей, если мы произносим слово ача-а-а, делая на нем большое силовое, динамическое ударение, а предложение в целом произносим с восходящей интонацией; ача-а урамра вылять «Очень много детей играют на улице» (досл. ребе-енок играет на улице. — В. С.).

Часто значение очень большого количества или же многократного и интенсивного действия передается редупликацией, при этом можно наблюдать удлинение не только гласных звуков, но и согласных: иртеннех паян çы-ын—çы,ын! «с утра сегодня уйма народу (пришло)»; çырли унта нум-май—нум-май! «Ягод там видимо-невидимо» (в смысле очень-очень много); ву-у-лать —ву-улать хăй «сам все читает да читает (т. е. все время или изо дня в день читает).

Как отмечают лингвисты, значение интонации очень велико в языке вообще, в разговорной речи и в речи поэтической в особенности. Интонация взаимодействует с другими факторами языка—лексическими и грамматическими. Можно говорить о двух основных типах интонаций в языках мира: 1) об интонации более или менее резко меняющей смысловые и грамматические особенности слова или предложения и 2) об интонации имеющей дополнительное значение в грамматической и семантической характеристике слова и предложения. Чувашскую интонацию мы относим ко второму типу интонации, где она придает слову хотя и важное, но лишь дополнительное числовое значение, обычно резко не меняющее его смысла.

Таким образом, можно уверенно говорить об интонации, как о способе выражения множественности в чувашском языке.

В заключительной части диссертации даются об-

(1) Собирательность, — как пишет О. Есперсен, — в логическом отношении, с одной стороны есть единичность, а с другой — множественность. См. О. Есперсен, Философия грамматики, М., 1958, стр. 224.

щие выводы по всем трем главам диссертации. На основе исследований делается обобщающий вывод, что в современном чувашском языке категория множественности находит свое выражение в следующих аспектах:

а) идея множества наиболее прозрачно выступает в числительных (кроме числительного пĕр «один») и в местоимениях 1, 2. 3 лица множественного числа;

б) множество отражается в притяжательных формах имени, т. е. в аффиксах притяжательности 1 и 2 лица мн. числа;

в) в сочетании с идеей лица множественность находит свое выражение в личных формах глагола, т. е. в аффиксах сказуемости 1, 2, 3 лица мн. числа;

г) множественность обнаруживается в некоторых видовых и залоговых формах глагола, т. е. действительная множественность глагола выражается фреквентативом или итеративом, аффиксом взаимного залога —ш (—ç), а иногда самостоятельной «формой» глагола, которая часто включается в систему времен: имперфект и презенс;

д) к формам выражения множественности относятся некоторые деепричастные формы;

е) множественность обнаруживается в развитой системе имен собирательных, парных и парно-повторных слов;

ж) идея абстрагированного множества находит свое воплощение в категории грамматического множественного числа имени существительного.

Итак, выражение значения множественности в современном чувашском языке осуществляется преимущественно грамматическим способом: морфологическим и синтаксическим.

Лексический способ выражения множественности, который считается самым древним, не чужд и современному чувашскому языку.

В устной речи способом выражения множественности является интонация, названная нами фонетическим способом.

Основное содержание диссертации опубликовано в следующих статьях

1. **В. И. Сергеев.** Генезис и семантика форманта множественности—сем в чувашском языке. «Советская тюркология», №3, 1972г.

2. **В. И. Сергеев.** Лексический способ выражения множественности в чувашском языке. «Советская тюркология» № 3, 1973 г.

3. **В. И. Сергеев.** Мăшăр сăмахсенче сыхланса юлнă кивĕ сăмахсем. Журнал №10, 1973 г. «Ялав»

4. Из наблюдений над редупликацией в чувашском языке. «Чувашский язык, литература и фольклор», в. II, Чебоксары, 1973 г.